
ЛУЧШЕ ОДНОЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН О ПОИСКЕ ЛЮБВИ
АНАСТАСИЯ ДАВЛЕТШИНА

Анастасия Давлетшина

Лучше одной. Психологический роман о поиске любви

https://litres.ru/74727947
SelfPub; 2026

Аннотация

Лизе тридцать семь. У неё успешная карьера, привычка всё контролировать и три года отношений, которые она считала настоящей любовью.

Однажды мужчина, с которым она собиралась строить будущее, просто уходит.

Но расставание оказывается только началом. Вскоре Лиза узнаёт, что предательство затронуло не только её сердце, но и профессиональную жизнь.

Теперь ей предстоит заново собрать всё, что она считала разрушенным: доверие к себе, отношения с близкими, карьеру и собственное представление о любви.

А когда в её жизни появляется мужчина, рядом с которым впервые за долгое время становится спокойно, возникает самый сложный вопрос.

Можно ли снова довериться другому человеку, не потеряв себя?

«Лучше одной» — роман о предательстве, женской дружбе, внутренней свободе и праве выбирать любовь, не отказываясь от себя.

Анастасия Давлетшина
Лучше одной. Психологический роман о поиске любви

1
2
3
4
5
6
7

8

ЛУЧШЕ ОДНОЙ

Психологический роман о поиске любви

Анастасия Давлетшина
Февраль 2026, Италия

1

ГЛАВА 1: КОНЕЦ (ИЛИ НАЧАЛО)

«Некоторые женщины ждут, что мужчина их спасёт. Другие понимают, что единственное возможное спасение — от самих себя. И обычно это откровение приходит в самый неподходящий момент.»

Я занимаюсь сексом с Маттео, когда понимаю, что всё кончено.

Не самая романтичная мысль во время секса, признаю. Но вот я здесь, под ним, в его кровати, которую я уже знаю лучше своей собственной, пока он делает то движение бёдрами, которое обычно мне нравится, и единственное, о чём я думаю: Когда закончится этот спектакль?

Не то чтобы секс плохой. С технической точки зрения — не придерёшься. Маттео знает, что делать. За три года он изучил все мои чувствительные точки, запомнил нужный ритм и слова. Всё идеально.

И именно в этом проблема.

Всё отточено, словно давно отрепетированный танец. Как фильм, который я видела тысячу раз. Я точно знаю, что он сделает дальше. Знаю, что поцелует меня в шею. Знаю, что произнесёт моё имя тем самым голосом. Знаю, что всё закончится тихим стоном, а потом он повернётся на левый бок — на свою сторону кровати — оставив мне правую.

И действительно, семь минут спустя (я считала, да простит меня Бог), всё происходит именно так.

Он поворачивается. Я смотрю в потолок.

«Было хорошо», — говорит он. Он всегда так говорит.

«Да», — отвечаю я. Я всегда так отвечаю.

Тишина.

Та самая тишина, которая когда-то была уютной, а теперь — просто… тишина.

«Лиза», — говорит он спустя мгновение. Его тон изменился. От прежней расслабленности в его голосе не осталось и следа. Это тот тон, которым говорят, когда нужно сказать что-то важное и не знаешь как.

Я знаю этот тон.

Я слышала его три года назад, когда он впервые сказал «я тебя люблю». Я слышала его, когда он предложил мне оставить ящик для вещей у него дома. Я слышала его, когда мы спорили, у его или у моих родителей проводить Рождество.

Но сегодня вечером этот тон означает что-то другое.

Я понимаю это ещё до того, как он открывает рот.

«Нам нужно поговорить», — говорит он.

Вот они. Три самых страшных слова в любом языке. Страшнее, чем «ваша карта не прошла». Страшнее, чем «нам придётся сокращать расходы». Страшнее, чем «тест на беременность положительный».

— Ладно, — говорю я. Потому что что ещё тут скажешь?

Я поворачиваюсь к нему. Он красив. Чертовски красив. Тёмные волосы — всегда чуть растрёпанные, ореховые глаза

с зелёными прожилками, которые ловят свет, та самая квадратная челюсть, будто созданная для рекламных плакатов. В тридцать шесть он выглядит как актёр, играющий «успешного архитектора» в сериале.

И ведь он и правда успешный архитектор. Конечно.

— Я несчастлив, — говорит он.

Прямо. Жёстко. Очень в стиле Маттео.

— Ладно, — повторяю я, потому что, похоже, сегодня это единственное слово, которое я умею произносить.

— Это не твоя вина, — быстро добавляет он. А вот и классика. Почти то же самое, что «дело не в тебе, дело во мне», только в чуть более развёрнутой версии.

— Тогда чья? — спрашиваю я. Мой голос спокоен. Слишком спокоен. Это тот голос, которым я пользуюсь, когда клиент критикует мой проект. Профессиональный. Отстранённый. Броня.

— Дело не в вине. Просто… я больше не чувствую этого.

— Чего именно?

Он колеблется. Проводит рукой по волосам. Нервный жест, который когда-то казался мне очаровательным.

— Искру. Возбуждение. Этот… не знаю, Лиза. Огонь.

Ах. Огонь. Тот самый, что был у нас первые шесть месяцев. Когда мы трахались где угодно. Когда не могли держать руки подальше друг от друга. Когда каждое сообщение било по мозгу выбросом дофамина.

Но это было три года назад.

— Маттео, — медленно говорю я, — мы только что занимались сексом.

— Я знаю.

— Буквально семь минут назад.

— Я знаю.

— И ты говоришь, что огня нет?

Он садится на кровати, поворачиваясь ко мне спиной. Как будто так легче говорить, не глядя мне в глаза.

— Всё происходило на автомате, Лиза. Это было… по привычке. Как чистить зубы. Как ходить в спортзал. Мы делаем это потому, что так принято. Не потому, что действительно хотим.

Мне хочется закричать. Хочется сказать, что он прав, что я тоже это чувствовала, что уже месяцы мы трахаемся по привычке, а не из желания. Хочется быть честной.

Но вместо этого я говорю:

— Значит, всё кончено?

— Думаю, да.

— Думаешь?

— Всё кончено.

Я остаюсь сидеть в кровати, обнажённая, с запахом его парфюма на коже и вкусом его губ всё ещё на своих. И это сюрреалистично. Три года. Тысяча ночей в этой кровати. Сотни прошёптанных «я тебя люблю». Десятки планов на будущее.

И всё заканчивается вот так. Во вторник вечером. После

посредственного секса. С его «я больше не чувствую этого».

— У тебя есть другая? — спрашиваю я, потому что мне нужно это знать.

— Нет.

— Маттео.

— Никого нет, Лиза. Просто… это больше не работает.

Часть меня ему верит. Часть меня знает, что он врёт. Но в этот момент правда уже ничего бы не изменила.

— Ладно, — в конце концов говорю я.

— Ладно?

— А что ты хочешь, чтобы я сказала? Чтобы я умоляла тебя остаться? Чтобы пыталась убедить тебя любить меня?

Я встаю с кровати. Собираю свою одежду, разбросанную по комнате. Трусы за стулом. Бюстгальтер под кроватью. Джинсы, смятые в углу.

Пока я одеваюсь, он смотрит на меня. И на мгновение — всего на мгновение — я вижу что-то в его глазах. Сожаление? Сомнение? Страх?

Но это исчезает.

— Лиза…

— Ничего не говори, — перебиваю я. — Правда. Не говори, что я тебе дорога. Не говори, что я замечательная. Не говори, что заслуживаю лучшего. Не произноси всю ту чушь, которую люди говорят, когда бросают кого-то.

— Но это правда…

— Маттео. Замолчи.

Я заканчиваю одеваться. Беру сумку. Иду к двери.

— Твои вещи… — начинает он.

— Заберу в другой день.

— Когда?

— Не знаю. Когда перестану хотеть разбить тебе лицо.

Это ложь. Я никогда никому в жизни не разбивала лицо. Но звучит хорошо.

Я открываю дверь. Февраль, холодно. Но не так холодно, как тот лёд, который я чувствую внутри.

— Лиза, — снова говорит он. Тем самым голосом. Тем проклятым голосом, в который я влюбилась три года назад.

Я останавливаюсь на пороге. Не оборачиваюсь.

— Что?

— Прости.

И вот эта — эта маленькая жалкая фраза — ломает меня окончательно.

Я не плачу. Пока нет. Но чувствую, как что-то трескается в груди. Как стекло, разбивающееся в замедленной съёмке.

— Да, — говорю я. — Мне тоже.

И ухожу.

Я почти у лестницы, когда слышу, как он закрывает дверь. Щелчок замка прозвучал как точка в конце нашей истории.

Я спускаюсь по лестнице его дома. Четыре этажа. Семьдесят две ступеньки. Я считала их тысячу раз, поднимаясь — с сердцем, бьющимся от предвкушения. Теперь считаю,

спускаясь — с сердцем, бьющимся от боли.

На улице холодно. Тот самый римский февральский холод, который пробирает до костей. И я понимаю, что оставила пальто у Маттео.

— Да пошёл ты на хрен, — говорю я вслух.

Прохожий странно на меня смотрит. Плевать.

Я достаю телефон. Звоню Кьяре.

— Алло? — её сонный голос.

— Он меня бросил.

Тишина. Потом:

— Я еду. Ты где?

— В Трастевере. Рядом с его домом.

— Не двигайся. Десять минут.

— Кьяра…

— Лиза. Не. Двигайся.

Она кладёт трубку.

Я сажусь на низкую каменную ограду. Улицы Трастевере всё ещё живые. Туристы. Пары. Пьяные ребята. Все со своими идеальными жизнями.

Телефон вибрирует. Сообщение.

Маттео: Ты забыла пальто

Я смотрю на экран. На это сообщение. На это чёртово сообщение. Три года вместе — и первое, что он пишет после того, как меня бросил, это то, что я забыла пальто.

Отвечаю: Оставь себе. Или подари следующей.

Точка. Отправить. Заблокировать.

Не знаю почему, но этот жест — заблокировать его — на три секунды заставляет меня чувствовать себя сильной. А потом я чувствую только пустоту.

Кьяра приезжает на такси. Выходит, видит меня — и делает это лицо. То самое лицо, которое подруги делают, когда знают, что у тебя разбито сердце и хотели бы его починить, но не могут.

Она обнимает меня. Прямо там, посреди улицы, среди прохожих, которые на нас смотрят.

И наконец — наконец — я плачу.

Я реву. Совсем не так, как плачут красивые героини в кино. Это не деликатные, кинематографичные слёзы. Это уродливые всхлипы, сопли, полный хаос. Такой плач, от которого потом болит голова и опухают глаза на три дня.

Кьяра крепко держит меня и позволяет плакать.

— Ублюдок, — шепчет она. — Придурок. Идиот.

Между всхлипами я смеюсь. Потому что Кьяра всегда умела сказать именно то, что нужно.

— Поехали ко мне, — говорит она.

— Я не хочу…

— Я тебя не спрашиваю. Поехали.

В квартире Кьяры её муж Марко уже спит. Она усаживает меня на диван, укрывает пледом и исчезает на кухне.

Возвращается с красным вином и шоколадом.

— Экстренная эмоциональная помощь, — говорит она, протягивая мне бокал.

— Я не хочу…

— Пей.

Я пью.

Кьяра садится рядом. Смотрит на меня. И я вижу по её лицу, что она собирается сказать что-то. Что-то, что я не хочу слышать.

— Лиза, — начинает она.

— Нет.

— Я должна это сказать.

— Нет.

— Лиза…

— Кьяра, если ты сейчас скажешь, что всё знала, что видела признаки, что это было очевидно — клянусь Богом, я вылью на тебя это вино.

Она смеётся. Делает глоток из своего бокала.

— Я никогда не сказала бы «я же говорила», — отвечает она. Пауза. — Но.

— Но что?

— Но, возможно — только возможно — это лучшее, что могло с тобой случиться.

Я смотрю на неё так, будто она сошла с ума.

— Кьяра. Он только что меня бросил. После трёх лет. После посредственного секса. Сказал, что больше нет «того самого». Как это может быть лучшим?

— Потому что, — говорит она, не отводя взгляда, — ты была несчастлива. И не один месяц. Может, уже годы.

— Это неправда…

— Лиза. Я знаю тебя двадцать лет. Я знаю, когда ты счастлива. И с Маттео… ты не была счастлива. Тебе было удобно. Ты привыкла. Но счастлива — нет.

Я хочу возразить. Хочу сказать, что она ошибается. Но слова не выходят.

Потому что, возможно — только возможно — она права.

— И что мне теперь делать? — наконец спрашиваю я тихим, почти детским голосом.

Кьяра сжимает мою руку.

— Сейчас, — говорит она, — сейчас ты дышишь. Плачешь. Злишься. Ешь шоколад. Пьёшь вино. А потом — завтра или через неделю, или через месяц — выясняешь, кто ты без него.

— А если окажется, что мне не нравится, кто я без него?

— Тогда, — говорит Кьяра с грустной улыбкой, — это значит, что тебе не нравилось, кто ты была и с ним. А это, подруга моя, проблема куда серьёзнее.

В ту ночь я сплю на диване у Кьяры. Точнее — не сплю. Я смотрю в потолок. Перебираю всё в голове.

Три года с Маттео. Как в начале всё было идеально. И как постепенно стало… удобным. Предсказуемым. Мёртвым.

Я думаю о всех тех разах, когда делала вид, что всё нор-

мально. О том, как игнорировала, что он смотрит на меня всё с меньшим интересом. О том, как оправдывала его отстранённость: «у него стресс на работе», «он устал», «мы просто переживаем сложный период».

Я думаю о том, какой маленькой стала. О том, как перестала просить. Как согласилась на крохи.

И думаю о ещё более пугающей вещи: это не в первый раз.

Марко. Андреа. Оливеро. Маттео.

Все как на подбор. Эмоционально недоступные. Вечно «не готовы», «не уверены» или просто «недостаточно влюблены».

Четверо мужчин. Четыре неудавшихся романа. И один общий знаменатель.

Я.

Около трёх ночи я беру телефон. Открываю Google.

«Почему я постоянно выбираю эмоционально недоступных мужчин»

Результатов — бесконечность.

Открываю одну статью. Потом другую. Потом ещё одну.

И пока я читаю, пока впитываю слова вроде «тревожный тип привязанности», «повторяющиеся паттерны», «детская травма», меня вдруг осеняет — как пощёчина:

Я не могу так больше.

Я не могу провести ещё три года с новым Маттео. Ещё два года — с новым Андреа. Ещё один — с новым Оливеро.

Я не могу прожить жизнь, пытаясь стать «достаточной»

для мужчин, которым я никогда не буду казаться достаточно хорошей.

Мне нужно измениться.

Но не ради них. Ради себя.

Я закрываю Google. Открываю «Заметки» в телефоне. Пишу:

ПРАВИЛА ВЫЖИВАНИЯ

Никаких мужчин. По крайней мере шесть месяцев.

Никакой жалости к себе.

Понять, что, чёрт возьми, со мной не так.

Научиться быть одной и не чувствовать, что умираю.

Если через шесть месяцев я всё ещё жива — пересмотреть.

Я смотрю на список. Он жалкий. Он честный. Это всё, что у меня есть.

Я выключаю телефон. Закрываю глаза.

И когда наконец — наконец — засыпаю, у меня возникает последняя мысль:

Может быть, Маттео меня не бросил.

Может быть, он меня освободил.

Я просыпаюсь от сообщения.

Три слова, которые изменят всё.

Неизвестный номер: Лиза, я беременна.

ГЛАВА 2: ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА

«В жизни бывают моменты, когда всё рушится одновременно. А бывают моменты, когда тебе кажется, что всё уже рухнуло — но на самом деле худшее ещё впереди.»

Я секунд тридцать смотрю на сообщение, прежде чем до меня начинает доходить смысл написанного.

Неизвестный номер: Лиза, я беременна.

Кто, чёрт возьми, это?

Я нажимаю на номер. Номер не сохранён в контактах. Никакой фотографии профиля. Только это сообщение. Эти три слова, способные изменить всё.

Первая абсурдная мысль: это я беременна и просто не знаю?

Вторая, ещё более абсурдная: это Маттео каким-то образом оказался беременным?

И третья, единственная разумная: а это сообщение вообще мне адресовано?

Дрожащими пальцами набираю ответ:

Я: Кто это?

Три точки появляются мгновенно. Она печатает.

Неизвестный номер: Джулия. Девушка Маттео. Нам нужно поговорить.

Мир останавливается.

Девушка Маттео.

ДЕВУШКА МАТТЕО.

Двенадцать часов назад он сказал, что никого нет. Двенадцать часов назад он меня бросил со словами «это больше не работает». Двенадцать часов назад он был внутри меня.

А теперь есть какая-то Джулия. Которая беременна. Которая — «девушка Маттео».

— Нет, — вслух говорю я.

Кьяра вздрагивает и просыпается на диване рядом со мной.

— Что? Что случилось?

Я молча протягиваю ей телефон.

Я вижу, как она читает. Как её глаза расширяются. Как она прикрывает рот рукой.

— О боже мой, — говорит она.

— Ага.

— Лиза…

— Не говори.

— Этот сукин сын…

— Не говори.

— У него уже есть другая и…

— КЬЯРА. НЕ. ГОВОРИ.

Тишина.

Затем Кьяра произносит пугающе спокойным голосом:

— Я ей отвечу.

Она забирает у меня телефон.

— Нет, подожди…

Слишком поздно. Она уже начала печатать.

Кьяра (с моего телефона): Джулия, я подруга Лизы. Что бы ты ни хотела ей сказать — скажи мне. Она не в состоянии разговаривать с любовницей своего парня, с которой он спал, пока они были вместе.

Джулия: Я не любовница. Я его девушка. И о Лизе я узнала только вчера вечером.

Кьяра: Вчера вечером? Лиза была с ним ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ.

Джулия: Я знаю. Он рассказал мне сегодня утром, когда позвонил после нашего вчерашнего разговора.

Кьяра смотрит на меня. Я смотрю на неё.

— Господи Иисусе, — шепчем мы одновременно.

Полчаса спустя я сижу за кухонным столом у Кьяры с чашкой кофе, которую не пью, и с телефоном, который продолжает вибрировать.

Джулия прислала ещё четыре сообщения.

Джулия: Пожалуйста, ответь мне. Я понимаю, что ситуация абсурдная.

Джулия: Я встречаюсь с Маттео уже два месяца. Я не знала о тебе.

Джулия: Он сказал, что свободен. Сказал, что ищет серьёзные отношения.

Джулия: Я беременна на шестой неделе. И он бросил меня сегодня утром, когда я ему сказала.

Два месяца.

Он встречался с ней два месяца.

Пока говорил мне «я тебя люблю». Пока спал в моей кровати. Пока мы планировали поездку в Барселону весной.

— Я должна её увидеть, — говорю я.

— Что? Нет. Лиза, нет…

— Я должна её увидеть.

— Зачем? Зачем ты хочешь себя мучить?

— Потому что, — говорю я, и мой голос странно спокоен, — я должна посмотреть в лицо женщине, которую Маттео выбрал вместо меня. Должна понять, что у неё есть такого, чего нет у меня. Должна…

— Лиза, послушай меня, — Кьяра берёт меня за руки. — Он её не выбрал. Он её использовал. Так же, как использовал тебя. Это ты избавилась от него.

— Он меня бросил…

— Потому что знал, что ты вот-вот всё узнаешь. Потому что она беременна, и ситуация вышла у него из-под контроля. Он избавился от тебя раньше, чем ты смогла бы избавиться от него.

В её словах есть логика. Чёрт возьми, всё сходится.

Но это не меняет того факта, что я хочу её увидеть.

Я беру телефон. Пишу:

Я: Где встретимся?

Через час я сижу в баре недалеко от Пьяцца Навона, с

опухшими от слёз глазами и сердцем, которое бьётся слишком быстро.

Входит Джулия.

И разумеется, она красавица. Ну а как иначе?

Блондинка. Высокая. Двадцать семь, может, двадцать восемь. Фигура как у модели. Голубые глаза. Та самая женщина, на которую на улице оборачиваются.

Из тех женщин, рядом с которыми я всегда чувствовала себя неуверенно.

Она садится напротив. Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга в тишине.

— Спасибо, что пришла, — наконец говорит она.

— Не благодари. Я сама не понимаю, зачем я здесь.

— Ты имеешь право злиться…

— Злиться? — Я усмехаюсь, но в этой усмешке нет ничего весёлого. — Я не злюсь на тебя. Я злюсь на него. И злюсь на себя.

Она опускает взгляд. Её руки лежат на столе, она сжимает чашку с чаем.

— Как долго? — спрашивает она.

— Что?

— Как долго вы были вместе?

— Три года.

Я вижу, как она бледнеет.

— Три… Боже. Лиза, я не знала. Клянусь. Если бы я знала…

— Что бы ты сделала? Не стала бы с ним спать?

Получилось зло. Я понимаю. Но мне всё равно.

Она, однако, не обижается. Просто кивает.

— Ты права. Наверное, всё равно стала бы. Он… умеет убеждать.

— Да, — говорю я горько. — Умеет.

Тишина.

— Как это произошло? — спрашиваю я. Не знаю почему, но мне нужно это знать.

— Я познакомилась с ним на конференции. Архитектура и устойчивый дизайн. У него была презентация. Я работаю в журнале, должна была взять у него интервью. — Она делает паузу. — С самого начала всё закрутилось стремительно. В тот же вечер он пригласил меня на свидание. Он был обаятельный, умный, смешной. Всегда находил нужные слова.

— Он всегда так говорит, — бормочу я.

— Через две недели мы начали спать вместе. Он сказал, что ищет серьёзные отношения. Что хочет семью. Что ему тридцать шесть и он готов.

Готов. Маттео — готов к семье.

Маттео, который за три года со мной ни разу — ни единого раза — не заговорил о браке или детях.

— Ты беременна, — говорю я. Это не вопрос.

— Шесть недель. Это была случайность. Мы предохранялись, но… так вышло. — Она машинально касается живота. — Когда я сказала ему вчера вечером, я думала, он об-

радуется. Или хотя бы… не знаю, испугается, но останется. А он побледнел. Сказал, что ему нужно подумать. А сегодня утром позвонил и сказал правду. Что есть ты. Что он с тобой уже три года. Что он расстался с тобой вчера вечером. И что не может стать отцом ребёнка в такой ситуации.

— Он попросил тебя сделать аборт?

Она кивает, и я вижу слёзы в её глазах.

— А ты?

— Я не знаю. Не знаю, что делать. Я одна. Работаю фрилансером. У меня нет стабильного дохода. А он… Он ясно дал понять, что не собирается участвовать ни в моей жизни, ни в жизни ребёнка.

Я смотрю на неё. Передо мной сидит красивая молодая женщина, беременная от мужчины, которого я считала любовью своей жизни.

И всё, что я чувствую, — это… жалость.

Жалость к ней. Жалость к себе. Жалость к ребёнку, который, возможно, никогда не родится.

— Джулия, — говорю я, — он — подонок. А мы с тобой… мы просто последние в длинной череде женщин, которых он использовал и выбросил.

Она смотрит на меня, и я вижу, что она понимает.

— Что мне делать? — спрашивает она тихим, почти детским голосом.

— Я не знаю. Но что бы ты ни решила, не делай этого ради него. Сделай это ради себя.

Я возвращаюсь домой в два часа дня.

Собственная квартира кажется чужой. Будто стала меньше. И намного пустее. Как будто кто-то выкачал из неё воздух.

Я сажусь на диван. Смотрю на телефон.

Двадцать три непрочитанных сообщения. Девять от Кьяры. Шесть от Валентины. Восемь — от разных номеров.

Ноль от Маттео.

Разумеется, ноль от Маттео.

Я открываю соцсеть. Лента полна счастливых пар. Свадеб. Объявлений о беременности с идеальными фотографиями. «Моё навсегда».

Я закрываю приложение соцсети. Открываю профиль Маттео.

Его последние фото — двухнедельной давности. Архитектурный проект. Закат. Селфи с его фирменной улыбкой — обаятельной до невозможности и такой же подлой.

Ни одной фотографии со мной. Уже несколько месяцев. Я перестала это замечать? Или просто делала вид, что не замечаю?

Листаю ниже. Вот мы. Полгода назад. Фото нас двоих во Флоренции. Улыбаемся. Счастливые. Или, по крайней мере, мне казалось, что мы счастливы.

Комментарии: «Какая красивая пара!» «Вы идеальны вместе!» «Цели»

Цели.

Я смеюсь. Смех выходит истеричным, но я смеюсь.

Беру телефон. Не думаю. Пишу пост.

«Мой бывший, который бросил меня вчера вечером после трёх лет, сказав, что “больше нет того самого”, на самом деле два месяца спал с другой женщиной и сделал её беременной. Так что нет, мы не были “целями”. Наши отношения были всего лишь красиво упакованной ложью. Всем хорошего дня»

Мой палец зависает над кнопкой «Опубликовать».

Я смотрю на неё.

Десять секунд. Двадцать. Тридцать.

Потом я всё удаляю.

Почему? Потому что Не хочу доставлять Маттео удовольствие, показывая, насколько сильно он меня ранил. Не хочу, чтобы люди смотрели на меня с жалостью. Не хочу стать «той самой обманутой из соцсетей».

Вместо этого я делаю кое-что другое.

Удаляю все наши совместные фотографии. Одну за другой. Семнадцать фото за три года. Семнадцать воспоминаний, стёртых.

Потом блокирую его во всех соцсетях. В мессенджере он уже в чёрном списке — ещё со вчерашнего вечера, после сообщения о забытом пальто. Теперь между нами не осталось ни одной открытой двери.

А потом — потом я беру телефон и делаю звонок, который

никогда не думала, что сделаю.

— Студия Росси, добрый день.

— Добрый день, я хотела бы записаться на приём к доктору Елене Росси.

— Конечно. Вы уже обращались к ней раньше или записываетесь впервые?

— Первый раз.

— Прекрасно. Могу спросить причину обращения?

Я колеблюсь. Потом:

— Терапия. Мне нужна терапия.

— Отлично. У нас есть свободное время в следующий четверг в 18:00. Вам подходит?

Четверг. Уже завтра.

— Да. Подходит.

— Имя?

— Лиза Маркетти.

— Прекрасно, Лиза. Ждём вас в четверг.

Я кладу трубку.

Сажусь на диван. Смотрю в потолок.

У меня запись к психологу.

Я. Лиза Маркетти. Тридцать семь лет. Успешный архитектор. Независимая женщина. И мне нужен психолог, чтобы понять, почему я постоянно выбираю мужчин-уродов.

Телефон вибрирует.

Кьяра: Ты где? Я еду к тебе с вином и мороженым.

Я: Я дома. Только что записалась к психологу.

Кьяра: МОЛОДЕЦ. Буду через 20 минут.

Я откладываю телефон.

И впервые за двадцать четыре часа чувствую что-то, что не является болью, злостью или растерянностью.

И вдруг чувствую нечто неожиданное. Кажется, это надежда.

Не надежду на то, что Маттео вернётся. Не надежду найти кого-то другого.

А надежду на то, что, возможно — только возможно — я смогу понять, что, чёрт возьми, со мной не так.

И исправить это.

Кьяра приезжает с двумя бутылками вина и семейной упаковкой мороженого.

— Так, — говорит она, врываясь как ураган. — Поговорим. Рассказывай всё.

Я рассказываю ей о встрече с Джулией. О том, какая она молодая, красивая и беременная. О том, как Маттео бросил её, когда узнал о беременности. О том, как я чувствую себя… странно.

— Странно — это как? — спрашивает Кьяра.

— Не знаю. Я думала, что буду ненавидеть Джулию. А вместо этого… мне её жалко. И от этого я чувствую себя ещё более жалкой.

— Ты не жалкая. Ты человек.

— Я дура. Три года, Кьяра. Три чёртовых года с мужчиной, который мне изменял, а я даже не поняла.

— Ты не знала…

— Я должна была знать. Должна была видеть признаки. Должна была…

— Лиза. — Кьяра берёт меня за плечи. — Послушай меня. Это не твоя вина. Он тебе лгал. Он решил изменять. Он — подонок, не ты.

— Но я выбрала его. Я выбрала остаться, даже когда всё шло плохо. Я…

Я замолкаю. Потому что в этом есть правда.

Я выбрала его. Снова и снова. Даже когда было очевидно, что ничего не работает.

— Кьяра, — медленно говорю я, — со мной что-то не так. Это не в первый раз. Марко. Оливеро. Андреа. Маттео. Они все одинаковые. И я продолжаю их выбирать.

— Значит, пойдёшь к психологу и разберёшься почему.

— А если окажется, что я безнадёжна?

Кьяра смеётся.

— Дорогая, безнадёжных не бывает. Просто некоторым приходится чуть дольше разбираться в себе.

В тот вечер, когда Кьяра уходит, я сажусь за ноутбук.

Открываю Google. Ввожу: «Доктор Елена Росси психолог Рим».

Её сайт простой. Профессиональная фотография. Специ-

ализация: отношения, травма, самооценка.

Я читаю её описание:

«Мы часто повторяем одни и те же ошибки в отношениях, потому что следуем бессознательным схемам, усвоенным в детстве. Мой подход направлен на понимание этих схем и их разрушение, чтобы вы могли создавать более здоровые отношения».

Бессознательные схемы.

Я думаю о своём отце. Всегда отстранённый. Всегда занятой. Всегда словно за невидимой стеной.

Я думаю о матери. Всегда нуждающаяся. Всегда требующая внимания. Всегда тревожная.

Я думаю о себе. О том, как стала точной копией матери, хотя клялась, что никогда такой не буду.

Я закрываю ноутбук.

Беру свой дневник. Открываю новую страницу.

Среда, 21 февраля

Сегодня я узнала, что Маттео изменял мне с двадцативосьмилетней девушкой, которая теперь беременна. Сегодня я встретилась с этой девушкой и вместо ненависти почувствовала к ней жалость. Сегодня я записалась к психологу, потому что наконец — наконец — признала, что со мной что-то не так.

Не что-то непоправимое. Но что-то, что мне нужно понять.

Кьяра говорит, что безнадёжных не бывает. Надеюсь,

она права.

Потому что сейчас, сидя одна в своей квартире, с разбитым сердцем и неопределённым будущим, я знаю только одно:

Я не могу так больше.

Я не хочу провести ещё три года с новым Маттео. Не хочу проснуться в сорок и понять, что потратила жизнь, ожидая, пока кто-то полюбит меня достаточно сильно.

Значит, с завтрашнего дня я меняюсь. Не знаю как. Не знаю, получится ли. Но меняюсь.

Потому что если этого не сделаю я, никто другой за меня этого не сделает.

Я закрываю дневник.

Выключаю свет.

Забираюсь в постель.

И засыпая, думаю о Джулии. О той жизни, что растёт внутри неё. О том, как всё может измениться за шесть недель.

И задаюсь вопросом: что может измениться за шесть месяцев?

Если я перестану искать любовь в неправильных мужчинах и начну искать её в себе?

Я не знаю.

Но завтра, в четверг, ровно в шесть вечера я войду в тот кабинет.

И начну это выяснять.

3

4

ГЛАВА 3: ПЛОХИЕ РЕШЕНИЯ

«Есть два способа пережить разбитое сердце: плакать как жертва или трахаться из мести. Я выбрала второй вариант. Это была ужасная идея.»

Среда вечером. За двадцать четыре часа до моей первой сессии терапии.

Я сижу в баре с Кьярой и её золовкой Софией. София разведена уже два года, ей сорок два, и, по словам Кьяры, она «идеальный пример того, как пережить неудачный брак и выйти из него ещё более горячей».

— Итак, — говорит София, наливая мне третий бокал вина, — Маттео — официально дипломированный мудак.

— С дипломом, печатью и пожизненной гарантией, — подтверждаю я.

— И что ты сделала?

— Поплакала. Удалила фотографии. Записалась к психологу.

София смотрит на меня так, будто я заговорила на арамейском.

— И это всё?

— А что, по-твоему, я должна сделать?

— Отомстить. Переспать с кем-нибудь другим. Перере-

зать ему тормоза. Не знаю. Что-нибудь, после чего тебе действительно полегчает.

Кьяра вмешивается:

— София, мы не можем поощрять…

— Про тормоза я шучу, — говорит София. Пауза. — Более или менее.

Я смеюсь. Впервые по-настоящему с того вечера, когда Маттео меня бросил.

— В любом случае, — продолжает София, — когда мой муж ушёл к своей двадцатипятилетней ассистентке, знаешь, что я сделала?

— Что?

— Я переспала с его лучшим другом.

Кьяра чуть не выплёвывает вино.

— София!

— Что? Зато мне сразу полегчало. И у него член был получше. — Она поворачивается ко мне. — Суть в том, что тебе нужно сделать что-то безумное. Что-то, чего старая Лиза никогда бы не сделала. Что-то, что заставит тебя почувствовать себя живой.

— Я не такой человек…

— Именно. Ты не такая. И посмотри, к чему привели тебя попытки всегда быть хорошей девочкой. Три года с изменщиком. Тридцать семь лет и одна. Когда ты в последний раз делала что-то по-настоящему импульсивное?

Я задумываюсь. Пытаюсь вспомнить.

И не могу.

— Вот именно, — говорит София, будто прочитала мои мысли. — Сегодня идём в клуб. Музыка. Мужчины. И ты — ты находишь кого-то и спишь с ним. Никаких имён. Никаких обещаний. Только секс.

— София, у неё завтра встреча с…

— Вот именно. Завтра она начинает разбираться со своей головой. Но сегодня — а сегодня пусть хотя бы ненадолго отключит мозги.

Я смотрю на Кьяру. Кьяра смотрит на меня.

И потом — не знаю почему, может, это вино, может, подавленная злость, может, я просто устала быть всегда «правильной» — я говорю:

— Ладно.

— Ладно — что? — спрашивает Кьяра.

— Ладно, идём. Ладно, я сделаю что-нибудь безумное.

София улыбается, как кошка, заприметившая мышь.

— Вот и умница. Поехали ко мне. Подберу тебе что-нибудь менее похожее на гардероб солидного архитектора и гораздо более «женщина, которой плевать».

Через час я стою перед зеркалом в квартире Софии и не узнаю себя.

Короткое чёрное платье. Каблуки, которые я не надевала годами. Яркий макияж. Волосы распущены вместо привычного аккуратного хвоста.

— Ты чертовски горячая, — говорит София.

— Я выгляжу как женщина, которая отчаянно ищет внимания.

— Именно. И сегодня ты имеешь на это полное право.

Кьяра сидит на кровати. Судя по лицу, энтузиазма Софии она не разделяет.

— Лиза, тебе не нужно делать ничего, чего ты не хочешь…

— Я хочу, — перебиваю её. И, произнося это, понимаю, что это правда.

Я хочу чувствовать, что меня желают. Хочу чувствовать себя живой. Хочу перестать думать о Маттео хотя бы на пять чёртовых минут.

— Пойдём, — говорю я.

Клуб называется «Velvet», и это именно то место, куда я никогда не ходила.

Оглушающая музыка. Стробоскопы. Потные тела в движении. Алкоголь льётся рекой.

София приносит нам три шота текилы.

— За новое начало Лизы, — говорит она, поднимая рюмку.

— За секс с незнакомцами, — добавляет, подмигивая.

Мы выпиваем.

Текила обжигает. Музыка пульсирует. И внезапно — внезапно я чувствую себя свободной.

Не счастливой. Не исцелённой. Но свободной.

Свободной от Маттео. Свободной от ожиданий. Свободной от необходимости соответствовать чужим ожиданиям.

— Я танцевать, — говорю я.

— Иди, — говорит София. — Мы с Кьярой останемся здесь. А ты иди и найди кого-нибудь, кто заставит тебя забыть этого идиота.

Я вхожу в толпу танцующих тел.

И впервые после расставания с Маттео перестаю думать обо всём сразу.

Я замечаю его через двадцать минут.

Высокий. Тёмные волосы. Атлетичное телосложение. Он улыбается чему-то, что говорит его друг, и эта улыбка… опасная. Та самая улыбка, которая говорит: «Я прекрасно знаю, что делаю».

Наши взгляды встречаются.

Он приподнимает бровь. Мол: Заинтересована?

Я улыбаюсь в ответ. Мол: Возможно.

Через пять минут он уже рядом со мной.

— Привет, — говорит он, перекрикивая музыку.

— Привет.

— Ты одна?

— С подругами. А ты?

— С друзьями. Но они гораздо менее интересны, чем ты.

Банальный подкат. Старый как мир.

Но сегодня мне всё равно.

— Как тебя зовут? — спрашивает он.

— Лиза.

— А я...

— Не говори, — перебиваю его.

Он удивлённо смотрит на меня.

— Нет?

— Нет. Сегодня никаких имён. Никаких историй. Только… это.

Я вижу, как в его глазах что-то меняется. Интерес. Возбуждение.

— Только это, — повторяет он.

Он притягивает меня ближе. Мы начинаем танцевать.

Это не романтично. Жарко, неловко, почти неприлично близко. Его руки на моих бёдрах. Его тело прижато к моему. Его дыхание у моей шеи.

И, боже, я чувствую себя живой.

Не потому что он какой-то особенный. А потому что это не Маттео.

Потому что я не знаю его прикосновений. Не знаю его запаха. Не знаю о нём ничего.

И именно это — именно это мне сейчас нужно.

Через полчаса мы выходим из клуба в боковой переулок.

Он прижимает меня к стене. Целует. Поцелуй отчаянный, жадный, без всякой тонкости.

Идеально.

— К тебе или ко мне? — спрашивает он, не отрываясь от моих губ.

— Ни туда ни сюда, — говорю я. — Слишком далеко.

Он смеётся.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

Я оглядываюсь. Переулок тёмный. Пустой. Вероятно, самое глупое решение, которое я могу принять.

И всё равно принимаю его.

— Здесь, — говорю я.

— Здесь?

— Если только ты не…

Я не заканчиваю фразу. Он снова целует меня, его руки уже ищут молнию на моём платье.

Всё происходит быстро. Грубо. Совсем не так, как было с Маттео последние два года.

Без романтики. Без нежности. Только голое, необузданное желание.

И пока это происходит — пока он внутри меня, у кирпичной стены римского переулка в два часа ночи — я думаю:

Вот оно. Это дно.

Не в переносном смысле. В буквальном.

Я коснулась дна. А значит, дальше можно только вверх.

Через десять минут его уже нет.

Никаких обменов номерами. Никаких обещаний созвониться. Только «Было хорошо» — и он исчезает в ночи.

Я возвращаюсь в клуб.

Кьяра видит меня и сразу всё понимает.

— Ты это сделала, — говорит она. Это не вопрос.

— Сделала.

— И как ты себя чувствуешь?

— Не знаю.

Это правда. Мне ни хорошо, ни плохо. Мне… странно. Пусто и полно одновременно.

— Поехали домой, — мягко говорит Кьяра.

В такси по дороге домой я смотрю в окно.

Ночной Рим. Красивый. Равнодушный. Вечный.

Телефон вибрирует. Сообщение.

Валентина: *Лиза, нам нужно поговорить. Позвони завтра.*

Чёрт. Работа. Я совершенно забыла о работе.

Я закрываю глаза.

Завтра. Завтра я разберусь с Валентиной. Завтра пойду к психологу. Завтра начну разгребать хаос своей жизни.

Но сегодня ночью — сегодня ночью я сделала что-то абсолютно глупое, импульсивное и, возможно, неправильное.

И странно… я об этом не жалею.

Домой я возвращаюсь в три часа ночи.

Сразу иду в душ. Долго стою под обжигающе горячей водой, пытаясь смыть с себя запах незнакомца, клуба и собственного безрассудства.

Когда выхожу, смотрю на себя в зеркало.

Размазанный макияж. Мокрые волосы. Синяк на шее — засос, господи — который завтра придётся замазывать.

— Кто ты, чёрт возьми? — спрашиваю своё отражение.

Отражение не отвечает.

Я ложусь в кровать. Уснуть не могу.

Беру телефон. Открываю соцсети. Ошибка.

Лента полна идеальной жизни. Пары, отмечающие годовщины. Предложения руки и сердца. Новорождённые дети.

А потом — потом я вижу профиль Джулии.

Не знаю, зачем его ищу. Болезненное любопытство, наверное.

Профиль открыт. Конечно, открыт.

Её фотографии идеальны. Пляжи. Закаты. Селфи с той самой естественной красотой, которая одним даётся просто так, а другим (мне) приходится добывать усилиями.

Я листаю ниже.

И потом я её вижу.

Фото трёхнедельной давности. Она и Маттео. За ужином. Улыбаются.

Подпись: «С моей любовью »

Комментарии — сплошные вариации «Какие вы красивые!» и «Идеальная пара!»

Три недели назад. Пока я ещё верила, что у нас всё хорошо.

И ведь он даже не пытался скрываться. Просто рассчитывал, что я никогда не загляну на её страницу.

Те же самые комментарии, которые писали под моими фотографиями с ним.

Я закрываю приложение соцсетей, прежде чем сделать что-нибудь глупое — например, написать комментарий или отправить сообщение или…

Телефон вибрирует.

Неизвестный номер: *Лиза? Это Джулия. У нас всё ещё есть номера друг друга. Я просто хотела сказать… я решила. Я оставлю ребёнка. А Маттео может катиться к чёрту.*

Я смотрю на сообщение.

Она оставит ребёнка.

Новая жизнь. Новое начало. Одна.

Я отвечаю:

Я: *Молодец. Ты сильнее, чем думаешь.*

Джулия: *А ты как?*

Как я?

Я только что переспала с незнакомцем в переулке. У меня засос на шее. Завтра мне предстоит разговор с партнёршей по работе, и это явно что-то серьёзное. Через пятнадцать часов — моя первая сессия терапии.

Как я?

Я: *Учусь.*

Джулия: *Чему?*

Я: *Тому, что, возможно, мне не нужен мужчина, чтобы чувствовать себя цельной. Возможно, мне нужно понять, почему я вообще думала, что он мне нужен.*

Отправляю.

Она отвечает сразу:

Джулия: *Когда поймёшь — скажи мне. Потому что у меня та же проблема.*

Я улыбаюсь. Улыбка грустная, но настоящая.

Две женщины. Разрушенные одним и тем же мужчиной. Пытающиеся понять, как быть цельными в одиночку.

Я: *Договорились.*

В четверг утром я просыпаюсь с адской головной болью.

Слишком много алкоголя. Слишком мало сна. И одна совершенно безумная ночь с незнакомцем в тёмном переулке.

Я звоню Валентине.

— Наконец-то, — говорит она, когда отвечает. — Лиза, нам нужно поговорить. Клиент Мартелли звонил вчера. Сказал, что ты пропустила две встречи и не отвечаешь на письма.

Чёрт. Проект Мартелли. Я о нём совершенно забыла.

— Валентина, я…

— Лиза, я знаю, что ты переживаешь сложный период. Кьяра рассказала мне про Маттео. И мне правда жаль. Но у

нас есть бизнес, который нужно вести. Я не могу всё тянуть одна.

Она права. Конечно, она права.

— Ты права. Прости. Я всё наверстаю сегодня. Обещаю.

— Клиент хочет видеть тебя завтра. В десять утра. Не опаздывай.

— Не опоздаю.

Мы кладём трубки.

Я встаю. Смотрю на себя в зеркало.

Синяк на шее ярко-фиолетовый. Прекрасно.

Нахожу платок. Завязываю его, чтобы скрыть след. Похожа на свою бабушку, но сойдёт.

Открываю ноутбук. Отвечаю на письма. Их семнадцать — от Мартелли. И каждое последующее раздражённее предыдущего.

Работаю три часа. Обновляю проект. Готовлю презентацию на завтра.

И пока работаю, пока погружаюсь в детали планировок, образцы тканей и 3D-рендеры, я чувствую, как что-то возвращается.

Контроль.

Три часа я не думаю о Маттео. Не думаю о незнакомце. Не думаю о том, в какой хаос превратилась моя жизнь.

Я думаю только о работе.

А работа — работа всегда меня спасала.

В 17:30 я начинаю собираться на приём к психологу.

Три раза переодеваюсь. Слишком официально. Слишком небрежно. Слишком «я пытаюсь произвести впечатление».

В итоге выбираю джинсы и свитер. Обычный, аккуратный вид.

Снова замазываю синяк.

Беру сумку. Ключи. И немного мужества.

И выхожу.

Кабинет доктора Росси находится в районе Прати. Третий этаж элегантного дома. Минималистичная приёмная. Журналы по архитектуре и психологии. Тихая музыка на фоне.

Я сажусь. Жду.

Пять минут. Десять. Пятнадцать.

Дверь открывается.

— Лиза Маркетти?

Я встаю.

Доктор Елена Росси оказывается не такой, как я её представляла. Моложе. Лет сорок пять, может быть. Короткие волосы. Очки. Улыбка мягкая, но ненавязчивая.

— Приятно познакомиться. Я Елена. Проходи.

Я вхожу в кабинет.

Уютный. Совсем не похожий на медицинский кабинет. Диван. Кресло. Растение в углу. Естественный свет из окон.

— Садись, где тебе удобнее, — говорит она.

Я сажусь на диван. Она — в кресло напротив.

— Итак, — говорит она, скрещивая ноги, — что привело тебя сюда?

И внезапно — внезапно мне хочется рассмеяться.

Что меня сюда привело?

Парень, который изменил мне и бросил. Беременность, которая не моя. Незнакомец в переулке. Пятнадцать лет повторяющихся неудачных отношений. Жизнь, которая со стороны кажется идеальной, а изнутри — пуста.

— С чего начать? — спрашиваю я.

Елена улыбается.

— С начала. Или с конца. Или с того места, откуда тебе легче. Правильного порядка не существует.

Я делаю вдох.

И потом — потом начинаю говорить.

— Сорок восемь часов назад мой парень бросил меня после трёх лет отношений. Двенадцать часов спустя я узнала, что он два месяца изменял мне с девушкой, которая теперь беременна. Вчера вечером я переспала с незнакомцем в переулке, потому что хотела почувствовать себя живой. А сегодня утром проснулась и поняла, что мне тридцать семь, я одна, не знаю, кто я без мужчины рядом, и продолжаю выбирать одних и тех же мудаков, каждый раз думая, что в этот раз будет иначе.

Тишина.

Елена смотрит на меня. Не с жалостью. Не с осуждением. Просто с… интересом.

— Хорошо, — наконец говорит она. — Нам есть над чем поработать.

— Да.

— Ты готова?

Готова ли я? Не знаю. Но я здесь. И это уже что-то.

— Да, — говорю я. — Я готова.

Елена берёт блокнот.

— Итак, — говорит она, — начнём с самого важного вопроса: кто такая Лиза, когда она не «чья-то девушка»?

И этот простой вопрос оказывается ударом под дых.

Потому что я не знаю.

Я не знаю уже много лет.

А может, и никогда не знала.

— Я не знаю, — шепчу я.

— Отлично, — говорит Елена. — Значит, с этого и начнём.

5

ГЛАВА 4: РАЗРУШЕНИЕ

«Я думала, что достигла дна. Я ошибалась. У дна всегда есть ещё одно дно под ним.»

Пятница. 9:45 утра.

Я стою перед зеркалом в туалете офиса и в третий раз пытаюсь замазать синяк на шее.

Тональный крем не справляется. Консилер не справляется. Платок выглядит нелепо с деловым костюмом.

— Чёрт возьми, — шепчу я своему отражению.

Господин Мартелли — мужчина шестидесяти лет, который, скорее всего, ничего не заметит. Его больше беспокоят полы из каррарского мрамора, чем моя шея.

Как же я ошибаюсь.

Презентация начинается плохо.

Господин Мартелли входит в переговорную вместе с женой. Синьора Мартелли. Которую никто не приглашал.

— Доброе утро, — говорю я, протягивая руку. Профессиональная улыбка. — Рада снова вас видеть, синьор Мартелли. А вы, должно быть...

— Моя жена, — говорит он сухо. — Которая настояла на том, чтобы прийти, учитывая, что вы, синьорина Маркетти, похоже, забыли о нашем существовании.

Чёрт.

— Синьор Мартелли, я прошу прощения за...

— Семнадцать писем, — перебивает он. — Семнадцать писем без ответа. Три проигнорированных звонка. И когда моей помощнице наконец удаётся дозвониться до вашей коллеги, выясняется, что у вас были «личные проблемы».

По тому, как он произносит „личные проблемы“, сразу понятно: чужие неприятности его совершенно не волнуют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.